

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть II

Москва 1979

2

Повесть о семи везирах содержится в рукописях собрания
ЛО ИВ АН - В 4496, лл.216-676; С 809, лл.19а-556; С 1640, лл.2556-
286а.

3

Les Mille et un jours. Contes Persans, traduits en Francois
par M.Petis de la Croix, t. I-5, Paris, 1710-1712; то же: Amster-
dam 1711-1713; то же: t. I-3, Paris, 1826; то же в одном томе:
Paris, 1840.

V.Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes ... tt. IV-X, Paris,
1900-1907, t. IV, p.126-130.

4

См. V.Chauvin, Bibliographie, t. V, p. 8, 49, 130, 133,
137, 142, 174, 191, 232, 286; t. VI, p. 13, 50, 180, 159; t. VII,
p. 1, 64, 119.

5

J. de Hammer, Sur l'origine des Mille et une Nuits, -
Journal Asiatic, 1827, p.253-256; J de Hammer-Purgstall, Note
sur l'origine persane des Mille et une nuits, J.A., 1839, p.171-
176.

6

Ch.Rieu, Catalogue of the persian manuscripts in the Bri-
tish museum, vol. II, London, 1881, p.759-760.

7

Persian tales, vol. I-III, Coburg, 1780-1785.

О.Л.Фишман

"ВЛАДЫЧИЦА ОЗЕРА СИХУ" ПУ СУН-ЛИНА И СТРУКТУРА КЛАССИЧЕСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Если для представителей "историко-географической" школы ва-
жнейшим фактором для отнесения произведения к жанру сказки явля-
ется наличие в нем сказочных мотивов, то для школы В.Я.Проппа
этим фактором является синтагматическая последовательность фун-
кций (поступков персонажей). Наличия сказочного мотива недоста-
точно: о жанре сказки можно говорить только тогда, когда мотивы
в произведении организованы в повествовательную цепочку, подчинен-
ную специфическим законам "морфологии" сказки.^I

Проанализируем произведение Пу Сун-лина "Владычица озера Си-

ху",² используя методику и терминологию В.Я. Проппа.

I. "Исходная ситуация" (в символах Проппа - "1") сообщает предварительные данные о герое: его имя (Чэнь Би-цзяо), место рождения и социальный статус ("Семья обеднела, и он стал секретарем у главнокомандующего Цзя"). Кажущаяся нарочитой скупость этих сведений (по сравнению с другими крупными произведениями Пу Сунлина) и неопределенность времени действия соответствуют сказочной традиции.

II. Чэнь сопровождает Цзя в его служебной поездке. Они плывут по озеру Дунтин, - ср. XI-ю функцию Проппа ("отправка" - обозначение¹).

III. Цзя стреляет в показавшуюся на поверхности озера игуану и ранит ее. Игуану и держащуюся за ее хвост рыбу втаскивает в джонку. Игуана жалобно смотрит на Чэня, разевая рот, словно моля о помощи. Раненое животное появляется обычно как "даритель" в XII-й функции Проппа ("Испытание героя, подготовляющее получение им волшебного средства или помощника" - "Д"), как правило, в подвиде "д⁴" или "д⁵" ("героя просят об освобождении или пощаде"), но игуану ранил и поймал не герой (Чэнь), а второстепенный персонаж - Цзя, благодаря чему "герою предоставляется возможность оказать услугу. Объективно здесь имеется испытание, хотя субъективно оно не ощущается как таковое героем (обозначение - д⁷)".³

IV. Чэнь уговаривает Цзя отпустить "пленников", смазывает рану игуаны лекарством, бросает ее и рыбу в озеро. В терминах Проппа - это функция XIII ("Герой реагирует на действия будущего дарителя - "Г"). В нашем случае - "Г⁷" - герой оказывает услугу, соответствующую просьбе и продиктованную его добротой.

V. Через год Чэнь со своим слугой возвращается домой, на север; джонка плывет по озеру Дунтин. Ветер опрокидывает джонку, но Чэню и слуге удается спастись. Оба голодны и идут в окружающие их холмы искать деревню (этот эпизод можно рассматривать как "пространственное перемещение между двумя царствами", т.е. как функцию XV - "R", в варианте "R²" - перемещение по воде и по суше).

VI. Чэнь и его слуга видят двух женщин в мужской одежде, вооруженных луками и скачущих на конях в сопровождении множества вооруженных всадниц. Их слуга, заметив двух людей, советует им уйти: здесь охотится Владычица озера Сиху, и если "смертных" увидят, их убьют. Чэнь и его слуга в испуге углубляются в лес,

где видят дворец, окруженный стеной. За стеной – сад, заросший огромными растениями и цветами в человеческий рост.⁴ В другом саду стоит беседка и на огромной высоте висят качели. (Описание женщины, предостережение их слуги, описание сада служат как бы индикатором "иного" мира; действия Чэня изофункциональны "неузнанному прибытию" – функция XXIII, обозначение – "X").

VII. Услышав топот копыт и женский смех, Чэнь и его слуга прячутся в кустах. В сад входит девушка, ехавшая с Владычицей озера Сиху. Покачавшись на качелях, она уходит во дворец. Подняв оброненный ею платок, Чэнь заходит в беседку и пишет на нем стихи, выражая восхищение красотой владелицы платка (морфологически сходно с функцией XVII – "клеймение" – "K" – во втором ее варианте – "Герой получает кольцо или полотенце"; в то же время реакцию Чэня можно рассматривать как "проявление им присущих ему качеств" – поэтического дарования, т.е. как "вторичную реакцию на действия будущего дарителя" – XIII bis⁵).

VIII. Чэнь хочет выйти из беседки, но она заперта. Заметившая его служанка угрожает ему казнь за то, что он проник в сад и подглядывал за барышней. Чэнь просит ее отдать барышне платок. Вернувшись, служанка приносит еду и вино: стихи понравились. (Ослабленное морфологическое сходство с какими-то другими сказочными элементами, типа – "обретение невесты-помощницы", "улучшение", "спасение от опасности"; такие случаи В.Я.Пропп относит к "неясным элементам", обозначая знаком "N". Но важно подчеркнуть, что для сказки они тоже характерны).

IX. Чэнь проводит ночь в страхе. Утром Владычица озера Сиху, услышав о присутствии в ее владениях "смертного", велит привести его. Она узнает в Чэне своего спасителя и решает отдать ему в жены свою дочь (функция XXVII – "Узнавание" – "U").

X. После свадьбы новобрачная объясняет Чэню, что ее мать была спасенной им игуаной, а она – рыбой, пойманной вместе с игуаной. Она делится с Чэнем секретом долголетия. (Здесь совмещены функция XXXI – "свадьба с царевной" – "C." – и функция XIV – "получение волшебного средства" – "Z", в нашем случае – "секрета долголетия").

XI. Проведя несколько дней во дворце, Чэнь начинает тосковать по дому. Он возвращается домой (функция XX, обозначение – ↓), со множеством драгоценностей, в богатой одежде, с большой свитой. Он богато и счастливо живет со своей "земной" женой, у них рожда-

ется пять сыновей (здесь ассимилируются два подвида функции "С" – возобновленный брак с "земной" женой – "с²" + обретение богатства "с³").

Но на этом действие не кончается. Однажды Лян (друг Чэня), плывя по озеру Дунтин, увидел сидящих в роскошной джонке молодого человека и девушку лет 16-ти. Узнав Чэня, Лян окликнул его, тот пригласил друга на свою джонку, устроил богатое угощение, а потом, объяснив, что плывет на запад, а не домой (на север), посоветовал Ляну вернуться к себе на джонку. На следующий день, Лян, вернувшись домой, сразу пошел к Чэню. Тот отрицал, что Лян видел его в джонке и, смеясь, спросил: "Разве я владею искусством «раздвоения»?"⁶ Когда Чэнь умер, ему был 81 год. Гроб его оказался таким легким, что его открыли и увидели, что он пуст ("житийный" мотив).

Таким образом, развитие сюжета ведет, как в классической волшебной сказке, к изменению положения героя ("улучшению" его социального статуса), к установлению личного благополучия (Чэнь получил и богатство, и жену-царевну, но не "пол-царства", т.к. не остался в "том" царстве). Бедняк Чэнь стал богачем, обладателем "секрета долголетия", отцом пяти сыновей (предел мечты супружеской пары в старом Китае) и, видимо, бессмертным.

Помимо отмеченных нами аналогий по крайней мере с 10-ю выделенными В.Я.Пропфом функциями (которые в их синтагматической последовательности можно представить в виде формулы: $i/a/\uparrow d^7 \Gamma^7 R^2 X^2 K^2/?/ y C^*/=z / \downarrow c^2 + c^3$), отметим наличие таких распространенных в мировом фольклоре (и, в частности, в волшебной сказке) мотивов, как мотив иного, чем в "этом" мире, протекания времени в "том" мире (Чэнь пробыл в "том" мире всего несколько дней, но "земная" его жена более года носила по нему траур; вернувшись домой, Чэнь провел там столько времени, что успели родиться пять сыновей, но его "чудесная жена" повзрослела лишь на год, да и сам Чэнь, видимо, тоже подчиняется законам "волшебного времени": Лян видит его в джонке совсем молодым⁸) и мотив возможности существования героя в "этом" и "том" мирах одновременно.⁹ Пространственная оппозиция "этот-тот" мир, занимающая важное место в рассматриваемом произведении Пу Сун-лина, аналогична оппозиции "человеческий/нечеловеческий", которая "на макрокосмическом уровне локализуется в виде противопоставления своего и иного царства".¹⁰

Думается, что сказанного достаточно, чтобы назвать наш текст волшебной сказкой. Основное его отличие от классической волшебной

сказки – отсутствие второго члена центральной оппозиции: "предварительное испытание/подвиг". "Специфической для волшебной сказки является двойная оппозиция предварительного и основного испытаний... средство противостоит цели, проверка правильности поведения – сказочному подвигу". II

Чэнь выдерживает "предварительное испытание", проявив доброту к раненой игуане,^{I2} подвига же ему и не нужно совершать, ибо он не ставил себе цель добыть в жены царевну, или какую-либо иную цель. Поэтому в сюжете отсутствуют "вредительство", "антагонист", препятствующий достижению "цели", "помощники", способствующие ее достижению. Потенциально враждебные герою силы – зооморфные по своему происхождению обитатели "того" мира – оказываются дружественными "дарителями". Поэтому-то и оказалась возможной ассимиляция XIV-й функции ("снабжение", "получение волшебного средства") с XXI-й ("свадьба"), которая в классической волшебной сказке является конечной целью, а следовательно и развязкой сюжета (т.е. получение волшебного средства, обычно служащего для достижения конечной цели, здесь становится одной из изначальных наград).

Рассматриваемая нами сказка Пу Сун-лина подтверждает очень важное наблюдение авторов уже цитированной статьи о том, что в отличие от закона тричности, специфического для европейской сказки, в китайской сказке преобладает двоичность.^{I3} В нашем тексте персонажи, как правило, выступают попарно: Чэнь и Цзя, игуана и рыба – они же две охотницы (Владычица озера Сиху и ее дочь), их слуга и служанка, Чэнь и его слуга, Чэнь и его "чудесная жена", Чэнь и его "земная" жена, Чэнь и Лян. Двоичность наблюдается и в действиях персонажей: Чэнь дважды проявляет реакцию на действия будущего дарителя (эпизоды IV и VII), от слуги и служанки исходят два предостережения об опасности пребывания в "ином" царстве, слуга и служанка – оба кормят Чэня ...

Отличия рассмотренного текста от схемы классической волшебной сказки объясняются как региональными особенностями, так и разложением структуры фольклорного жанра в авторской литературе, однако важно показать, что метаязык описания сказки может послужить для определения жанровых особенностей некоторых подвидов литературной прозы в сборниках бицзи.

I

При анализе отдельного текста можно говорить о последова-

тельности **мотивов**, сознавая, что они являются реализацией более абстрактных "функций": "...специфика волшебной сказки оказалась заключенной не в мотивах (не все, но многие сходные мотивы оказалось можно найти и в других жанрах), а в неких структурных единицах, вокруг которых мотивы группируются" (Е.М.Мелетинский, Структурно-типологическое изучение сказки. - В кн.: В.Я.Пропп, Морфология сказки. Изд. 2. М., 1969, с.136).

² Пу Сун-лин, Ляо Чжай чжи-и. Пекин-Шанхай, 1962, т. II, с.646-654 (на кит.яз.).

³ В.Я.Пропп, Морфология сказки, с.42.

⁴ Типичная для волшебной сказки "фантастическая" гипербола, призванная подчеркнуть иную природу "того" царства.

⁵ В.Я.Пропп приводит ряд примеров "двойного морфологического значения" одной функции (В.Я.Пропп, ук. соч., с.62-64). Функция XVII (или XIII bis) в нашем случае стоит после функции XVIII, т.е. мы имеем дело с "обращенной последовательностью" функций (там же, с.97).

⁶ Так мы переводим выражение фэнь шэнь () ; в буддийской терминологии оно означает - явление святого в разных ипостасях в одно и то же время.

⁷ 1/a/ - исходная ситуация, содержащая в себе констатацию "недостачи".

⁸ "Связь "биографического" времени с пространственными перемещениями организует сюжет о волшебном сохранении молодости у героя, находившегося в путешествии по чудесным и дальним странам" (С.Ю.Неклюдов, Статистические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора. - В сб.: Типологические исследования по фольклору, М., 1975, с.189).

⁹ Говоря о возможности одновременного пребывания человека в двух мирах, или в двух частях "этого" мира, В.Г.Богораз имеет в виду не пространственные перемещения героя, а структуру пространства, систему соответствий между мирами, присущую вселенной, в которой существа обладают двойным бытием, или какие-то участки пространства одновременно являются частями этого и другого мира

(W. Bogoras, Ideas of Space and Time in the Conception of Primitive Religion. - "American Anthropologist". Vol. 27, N 2, April-June 1925, p.233-237).

IO

Е.М.Мелетинский, С.Ю.Неклюдов и др., Проблемы структурного описания волшебной сказки. - Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969, с.102.

II

Там же, с.91.

I2

"Предварительное испытание имеет характер не сурового ритуального искуса, а проверки некоторых качеств героя" (там же, с.90).

I3

Там же, с.131.

Дж.Хайдары

РОМАНТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШАКИРА ФАТТАХА

Шакир Фаттах - крупнейший курдский прозаик и публицист нашего века. В течение сорока лет он плодотворно трудился на разных фронтах литературной деятельности, все силы отдавая просвещению курдского общества. В произведениях Ш.Фаттаха отражена борьба целого поколения с рутинной и косностью, опутавшими все сферы окружающей их жизни. Основным в своей деятельности писатель считал пропагандирование и распространение курдского языка. Он преподавал в школе, публиковал книги и брошюры, даже участвовал в выпуске стенгазет. В течение многих лет Ш.Фаттах занимает крупные государственные посты. В начале 40-х гг. он был градоначальником и своей властью открыл множество вечерних школ, в которых сам же преподавал курдский язык.

В творчестве Ш.Фаттаха можно отметить несколько литературных направлений, последовательно сменявших друг друга. Эстетические взгляды писателя развивались в лоне общего литературного процесса, и в начале своего творческого пути Шакир Фаттах испытал значительное влияние романтизма, получившего в то время распространение в ближневосточных литературах.